

Зашляпин Л.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Уральской государственной юридической академии

УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА И ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В статье рассматриваются вопросы тактики и методики, посвященные профессиональной защите в уголовном процессе. Анализируется Устав Международного военного трибунала, эпигенез норм которого имеет значение для обоснования (опровержения) исследуемого научного направления автора.

Проведение в рамках науки уголовного процесса исследований, посвященных тактике и методике профессиональной защиты, что может быть частичным раскрытием теории профессиональной защиты, с нашей точки зрения, достаточно закономерное, а главное, имеющее свою историю (эволюцию знания) явление. М.С. Строговичем еще в 1943 году в докладе была высказана мысль о возможности существования в юридической науке исследований, посвященных тактике и методике профессиональной защиты. Одновременно данным автором была высказана и идея о возможности распространения тактики и методики деятельности адвокатов (как научного явления) не только на уголовное, но и гражданское судопроизводство (отражение наукой деятельности адвокатов в данных видах судопроизводства) [1]. Примечательно, что участвовавшие в дискуссии А.И. Винберг, С.А. Голунский и др. процессуалисты не высказали критики в адрес М.С. Строговича по этому поводу. Более того, в позиции А.Г. Рахлина, опубликованной в том же издании как дискуссия к докладу, можно усмотреть поддержку точки зрения М.С. Строговича [2].

Далее, в 1967 году, известный ленинградский процессуалист С.А. Шафир также выделил в науке уголовного процесса направление о тактике и методике профессиональной защиты, увязав его с эффективностью деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве [3]. Критика и этой позиции не обнаружена.

Используя как исходные результаты научного творчества указанных ученых, нами было опубликовано несколько работ, посвященных тактике и методике адвокатской деятельности, имеющих отношение и к профессиональной защите в уголовном судопроизводстве [4]. Полагаем, что данные работы в том числе послужили поводом для научной дискуссии.

Так, известный ученый В.И. Комиссаров (Уфа, 2003), анализируя активно развивающе-

ся в науке направление об эффективной деятельности адвокатов, предположил: «Некоторые же юристы – «правозащитники», опережая действительность, преследуя узкокорпоративные интересы, забыв о гуманности, нравственности и законности в борьбе с преступностью, ринулись в бой с «открытым забралом», а в таких ситуациях надо быть осторожным в помыслах, а делах тем более. Именно уважительным отношением к гособвинителю, сочувствием потерпевшему, логикой анализа доказательств и убеждением суда в смягчающих обстоятельствах (или невиновности) подзащитного славились классики адвокатской этики; их труды остались в истории юриспруденции и стали настольной книгой тех юристов, которые уважают себя и своих процессуальных оппонентов (курсив мой. – Л.З.)» [5].

В приведенной позиции мы обратили внимание прежде всего на выделенную мысль о том, что российской юриспруденции должно быть присуще рассмотрение деятельности сторон во всех видах судопроизводства с позиций гуманности, нравственности и законности.

В предлагаемой В.И. Комиссаровым точке зрения, совершенно верной, по нашему мнению, указано на необходимость обращения и к исходным положениям юриспруденции, существовавшим в праве и ранее. Это необходимо и для разрешения вопроса о возможности наличия в современной юридической науке теоретических исследований, связанных с эффективной адвокатской деятельностью. Поддерживая это предложение, считаем необходимым не ограничивать его лишь статикой права, а дополнить его исследованием эволюции правовых норм.

К такой постановке научной задачи подталкивает и позиция О.В. Полстовалова (Уфа, 2003). Данный автор, также рассматривая активизировавшееся направление, характеризует его научную проблемность через «отсутствие строгих критериев законности и этичности деятельности адвоката (курсив мой. – Л.З.)» [6].

Если В.И. Комиссаров допускает научно обоснованное отражение деятельности адвокатов в доктрине, то О.В. Полстовалов предполагает отсутствие в законодательстве необходимой нормативной базы, легитимирующей существование теории эффективной адвокатской деятельности.

В качестве следствия из приведенных позиций можно вывести необходимость предварительного нормативного (правового и этического) обоснования, дающего правовую базу для возможности существования в науке направления о профессиональной защите. С этими предложениями, которые вытекают из позиции В.И. Комиссарова и О.В. Полстовалова, безусловно, надо согласиться. В настоящей работе мы ограничимся лишь некоторыми нормативными положениями международного права, ориентирующими на подходы к такому обоснованию.

В современный период развития отечественной уголовно-процессуальной науки обращение к международно-правовым документам – достаточно частое явление. Однако при этом внимание преимущественно обращается на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. И мы ранее, в интересующем нас аспекте, исследовали данные документы [7].

Но при таком ограничении объектной области чаще всего за рамками научного внимания остается документ, знаменующий фактически эпигенез права на защиту прав человека в уголовном судопроизводстве посредством профессиональной помощи адвокатов, – исходная точка возможного обоснования существования в науке направления, посвященного эффективной адвокатской деятельности. Таким источником является Соглашение о создании СССР, США, Соединенным Королевством Великобритании, Северной Ирландией, Временным правительством Французской Республики Международного военного трибунала и *Устава Международного военного трибунала*, принятое 8 августа 1945 г. [8]. В отечественной юридической науке данный документ обычно исследуется в историко-правовом аспекте. Мы же обращаем внимание на него прежде всего в связи с имеющимся в нем процессуально-правовым регулированием деятельности стороны защиты, которое было определено (фактически *ad hoc*) частью мирового сообщества для процедур уголовного судопроизводства.

Подготовка Устава Международного военного трибунала и его нормативное содержание характеризуются некоторыми особенностями.

Во-первых, Устав Международного военного трибунала готовился после принятия Устава ООН. Международная конференция по подготовке соглашения и устава была созвана летом 1945 г. Предполагается, что ведомства стран-участников одновременно вели подготовку и к принятию устава ООН, и Устава Международного военного трибунала, согласуя это с международно-правовой доктриной, в основу которой после окончания мировой войны стали входить права человека, нашедшие отражение в статьях 1, 55, 56 Устава ООН.

Во-вторых, учредители Международного военного трибунала и ООН в существенной части совпадают, что также предполагает некоторую связь (согласие) при формулировании норм обоих документов, хотя бы учитывающую общие тенденции развития международного права.

В-третьих, Устав Международного военного трибунала в отличие от Устава ООН содержит ряд норм, которые связываются с конкретизированными (субъективными) правами человека, *впервые сформулированными в международно-правовой среде*. Это само по себе дает ориентир для будущих международно-правовых стандартов в области уголовного судопроизводства, а с другой стороны, позволяет сравнивать Устав трибунала с Уставом ООН в целях выявления преемственности идей.

В-четвертых, Устав Международного военного трибунала не может быть охарактеризован как содержащий нормы международного права из-за незначительного числа его участников (учредителей). Однако этот документ мог влиять и влиял на формирование доктрин в международном праве, а впоследствии и на экстраполирование научных идей между отраслевыми юридическими науками.

В соответствие с п. «d» ст. 16 Устава Международного военного трибунала для обеспечения справедливого суда «подсудимый имеет право защищаться на суде лично или *при помощи защитника*». С нашей точки зрения, это первая нормативная конструкция, применяемая в международном праве, формулирующая право на личную защиту и право на профессиональную защиту, т. е. профессиональную помощь лицу адвокатом.

Предполагаем, что Устав Международного военного трибунала достаточно очевидно

определял право на защиту с учетом квалифицированной юридической помощи, т. е. помощи, оказываемой профессионально. К такому выводу нас подводит нормативное содержание ч. 2 ст. 23 Устава, в которой устанавливается: «Функции защитника могут выполняться по ходатайству подсудимого любым адвокатом, имеющим право выступать на суде в его родной стране, или любым другим лицом, которое будет специально уполномочено на это трибуналом». Фактически анализируемая норма, оговаривающая возможность участия в качестве защитника адвоката, уже имеющего такой статус по национальному законодательству, предполагает возникшую ориентацию в международном праве на профессиональную помощь.

Более того, Устав Международного военного трибунала не просто декларирует право на защиту, а предоставляет определенные средства для осуществления этой защиты. Нормы п. «е» ст. 16, п. «d» и «g» ст. 24 позволяли стороне защиты заявлять ходатайства, представлять в суде доказательства, подвергать перекрестному допросу любого свидетеля, вызванного стороной обвинения, т. е. осуществлять защиту активно. При этом Устав Международного военного трибунала очень четко в ч. 1 ст. 23 разделяет функции обвинения и защиты.

Все приведенные нами положения касаются, по терминологии Соглашения от 8 августа 1945 г., судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран. Речи о презумпции невиновности в Уставе Международного военного трибунала не ведется. Несмотря на это, государства, учредившие трибунал, предоставили подсудимым, уже являющимся с их точки зрения главными военными преступниками, право на защиту, в том числе посредством профессиональной помощи адвокатов. Адвокаты осуществляли защиту в рамках определенной стратегии, организовывая ее солидарно, что предполагает и некоторую тактику. Стенограммы судебных заседаний, при существовании презумпций иного рода (пункты «b» и «c» ст. 18, ст. 19), имеющих в Уставе Международного военного трибунала и исключавших превалирование защиты, свидетельствуют об активной позиции стороны защиты (адвокатов) [9].

Кроме норм, которые могут быть использованы для обоснования существования теории эффективной профессиональной защиты, в анализируемом документе имеются и нормы, позволяющие обосновывать теорию эффективного

профессионального представительства в уголовном судопроизводстве. В Уставе Международного военного трибунала есть нормы, регулирующие порядок рассмотрения имущественных требований к главным военным преступникам европейских стран, но эти нормы были сформулированы исключительно кратко и допускали их применение лишь по аналогии, т. е. по тем же правилам, что и осуществление обвинения и защиты.

По очевидным этическим соображениям нельзя сравнивать и этим обосновывать возможность проведения исследований современной активной профессиональной защиты лиц, обвиняемых, например, в «налоговых преступлениях» по внутригосударственному законодательству, с тем обвинением, которое рассматривалось Международным военным трибуналом. Важно то, что выделенные нами в Уставе Международного военного трибунала нормы попали в объектную область нормотворческой деятельности как Комиссии по правам человека ООН, Экономического и социального совета ООН, Генеральной ассамблеи ООН, так и стали объектом активного изучения ученых-международников и процессуалистов-криминалистов – элементом доктрины.

После завершения в 1946 г. процесса и вынесения приговора Международного военного трибунала Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции высказалась о том, что принципы, изложенные в приговоре Международного военного трибунала, являются принципами международного права [10]. Это создало перспективу дальнейшего положительного эволюционирования его норм в последующих международно-правовых документах. Однако с учетом многочисленной критики в доктрине международного права нельзя признать процесс нормообразования состоявшимся [11]. По этой причине, анализируя устав, мы отмечаем лишь эпигенез норм, имеющих значение для обоснования (опровержения) интересующего нас научного направления. Противоречий и недостатков, демонстрируемых доктриной международного права, в Уставе трибунала, действиях и результатах деятельности Международного военного трибунала было достаточно много для того, чтобы исключить (в том числе и по этому критерию) процедуру *opinio juris*.

В качестве вывода, который возникает из анализа Устава Международного военного трибунала, следует указать, что права на лич-

ную и профессиональную защиту (по аналогии это можно относить и к защите от гражданского иска), их обеспечение определенными процессуальными средствами, предусмотренными проанализированным международным актом, с 1945 г. потенциально оказались в каталоге прав, подлежащих рассмотрению мировым сообществом в дальнейшем. Эпигенез этих норм указал направления конкретизации норм (положительной эволюции), которые были предусмотрены в Уставе ООН. Естественно, что гуманность, нравственность и «законность» (так, как это понимается в международном праве) норм Устава международного военного трибунала необходимо выявлять посредством их последующего отторже-

ния или развития в иных международно-правовых документах, имплементации во внутригосударственном законодательстве.

Следующей по хронологии принятия и имеющей отношение к обоснованию возможности наличия в юридических науках теоретического направления о деятельности адвокатов является Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Гипотетически можно предполагать, что ответы на вопросы, сформулированные В.И. Комиссаровым, О.В. Полстоваловым и полностью поддержанные нами, можно искать в данном международно-правовом документе как своеобразной реперной точке линии дальнейшего эволюционирования международного права.

Список использованной литературы:

1. См. *Строгович М.С.* Предмет криминалистики и ее соотношение с уголовным процессом. Фрунзе, 1943. С. 6, 11.
2. См.: Там же. С. 18.
3. См.: *Шафир Г.М.* Некоторые вопросы методики и тактики защиты на предварительном следствии // Вопросы защиты по уголовным делам. Л., 1967. С. 73.
4. См., напр.: *Зашляпин Л.А.* Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. Екатеринбург, 2001; *Он же.* Методика профессиональной защиты в предварительном следствии: историко-логический анализ понятия // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. Екатеринбург, 2002.
5. *Комиссаров В.И.* Проблемы гуманности и справедливости в уголовном судопроизводстве // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы междунар. науч. – практ. конф., 16-17 окт. 2003. Уфа, 2003. Ч. 1. С. 90.
6. *Полстовалов О.В.* Уголовный процесс и криминалистическая тактика: новые точки соприкосновения // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы междунар. науч. – практ. конф., 16-17 окт. 2003. Уфа, 2003. Ч. 1. С. 231.
7. См., напр.: *Зашляпин Л.А.* Международное право в генетико-эволюционном аспекте – фактор актуализации исследований профессиональной деятельности адвокатов // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования. Екатеринбург, 2004.
8. Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. // Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 3.
9. См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах. М., 1957.
10. См.: Док. ООН. А/Рез/95(1) от 11 дек. 1946 г.
11. См., напр.: *Kranzbuhler O.* Nurnberg als Rechtsproblem. Munchen. 1956; *Grewe W., Kyster O.* Nurnberg als Rechtsfrage. Eine Discussion. Stuttgart. 1947; *Kelsen H.* Will the Judgement in the Nurenberg Tial Constitute a Precedent in International Law? // International Law Quarterly. 1947. №2.